

18+ Орлы Желтороссии

Конспирологическая повесть

Николай ЖДАНОВ-ЛУЦЕНКО

Николай Жданов-Луценко

Орлы Желтороссии.
Конспирологическая повесть

«Издательские решения»

Жданов-Луценко Н. И.

Орлы Желтороссии. Конспирологическая повесть / Н. И. Жданов-Луценко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511439-6

Книга посвящена событиям в Маньчжурии в 1930—1940-е годы. В центре — становление русского фашизма, работа японской разведки и обстановка в марионеточном государстве Маньчжоу-го накануне Второй мировой войны. Основной герой — бывший мичман Русского императорского флота, бежавший от большевиков в Харбин, выживает в этом крупнейшем за пределами России центре белой эмиграции. Там он знакомится с полковником Генштаба императорской Японии, разведчиком, которому поручена разработка русских фашистов.

ISBN 978-5-00-511439-6

© Жданов-Луценко Н. И.

© Издательские решения

Содержание

«Не знать истории – значит всегда быть ребёнком» -ЦИЦЕРОН	6
Margaritas ante porcos или Орлы Желтороссии	7
I	8
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Орлы Желтороссии Конспирологическая повесть

Николай Иванович Жданов-Луценко

75-летию Великой Победы посвящается

© Николай Иванович Жданов-Луценко, 2020

ISBN 978-5-0051-1439-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**«Не знать истории – значит всегда
быть ребёнком» -ЦИЦЕРОН**

Margaritas ante porcos или Орлы Желтороссии

(повесть, первая часть трилогии «Вирусы ненависти»)

*«Не давайте святыню псам;
и не мечите жемчужин перед свиньями,
да не попрут их ногами и, обратившись, не разорвут вас»
Евангелие от Матфея, 7, 6*

I

...Позднее утро в Харбине выдалось серым. Скорее это даже был уже день, но Мастер вставал поздно, потому что ночью писал. Почему-то именно часа в два-три по полуночи на него нисходило вдохновение, Небесный свет, и хорошо творилось, пока весь этот суетливый маньчжурский город с китайским нутром и русской архитектурой спал. Вне зависимости от политических режимов и материального положения организм требовал свои восемь часов сна, и он уже привык вставать ближе к полудню. Ходить к определённому часу в присутствие, как когда-то в Санкт-Петербурге и Москве, ему необходимости не было. Как и большинство эмигрантов из рухнувшей Российской Империи, оказавшихся по восточную сторону от Урала и в конце концов обосновавшихся в Харбине, он перебивался, чем мог, и, памятуя инженерные навыки, полученные ещё в реальном училище, починал всякие вещи руками. За это китайцы уважительно и называли его Мастер, тем более, что имя Николай Илларионович они не могли выговорить по определению. Но он вкладывал в слово куда больший смысл, придавая этому философское измерение и сопрягая сие звание со своим литературным трудом. Писал он больше для себя – как тогда говорили «в стол», – но в глубине души верил, что его труды найдут своего читателя. Так он и свыкся с заменившим ему на чужбине имя прозвищем Мастер и работал днём руками, а ночью головой. Вся его жизнь по сути сводилась к зарабатыванию на жизнь, но так жило большинство неприкаянных, оторванных от родной почвы русских людей, веривших, что не сегодня-завтра всё наладится, они вернутся домой и эти мытарства забудутся, как кошмарный сон.

Мастер регулярно ходил в церковь – и в только что отстроенный Софийский собор, и в Свято-Николаевскую, названную в честь его святого Николая Чудотворца, не только помолиться о завершении русской смуты, но и для поддержания определённого круга общения. Ресторации он не посещал, Вергинского слушать не было возможности, так как в средствах он был стеснён, хоть и держался с подобающим дворянину достоинством. Вокруг храма народ собирался очень разный, как весь срез старого российского общества, но все старались относиться друг к другу по-доброму, по-христиански. Особой дружбы Николай Илларионович ни с кем не водил, но частенько беседовал на литературные темы с одним выкрестом по фамилии Тужуркин (в Российской империи, как известно, в паспорте не было графы «национальность», но была «вероисповедание», так что еврей, ходивший в церковь, а не в синагогу, воспринимался, как свой). К тому же Тужуркин даже успел побыть, с его слов, на военной службе в артиллерии, и сам факт, что он находился в эмиграции, а не у Троцкого и других своих соплеменников, учинивших геноцид русского народа, говорил о нём с положительной стороны.

– Чем порадуете, Мастер? – приветливо спросил он.

– А вот послушай стихотворение, которое написал этой ночью о двух китайских мудрецах. Оно как бы об истории, окружающей нас в изгнании, но мысли всё равно примеряют каждое слово к Родине:

Два мудреца из древнего Китая
На перепутье встретились дорог.
За пиалой жасминового чая
Возник их философский диалог.

Один сказал: «Привет тебе, мудрейший,

Я слышал ты идёшь из царства Чу.
Я интерес имел к нему живейший
И с нашим Цзинь сравнить его хочу.

А правда ли, что тамошний правитель
Сажает на кол головы врагов?
Тогда как наш верховный повелитель
По воле царствует самих богов».

«О, брат мой старший, в мире нет покоя,
Отцы не понимают сыновей.
То царство Хань идёт на нас войною,
То злобный деспот государства Вэй.

Внутри народ неблагодарный ропщет,
Верховного не слышит добрых слов...
Ну, обстановка непростая в общем.
Как тут без отсечения голов?»

«Слыхал, тиран из Чжао плохо кончил,
Растерзан негодующей толпой.
А сколько лет он был великим кормчим,
Но свергнут разношёрстной шантрапой.

Всё потому, что гвардию не создал
И был самонадеянно спесив.
Народу рис спасительный не роздал,
Нуждающихся роскошью взбесив».

«А что другие? Слышал строят стену,
Чтобы сдержать набеги в царстве Янь.
И там правитель не готовит смену,
Хоть воровство везде, куда ни глянь».

«Стена, мудрейший, корень нацпроектов.
Нам это доказал правитель Янь.
В неё попали кости тех субъектов,
Кто к бунту звал простолюдинов пьянь.

А в вашем Цзинь правителем довольны?
Он управляет два десятка лет.
Живётся ли всем подданным привольно?
Хочу правдивый услышать ответ».

«Монастыри у нас весьма богаты.
И толстосумов тьма, хоть отбавляй.
Верховный им грозит перстом: «Ребята,
Воруйте, но не столько! Ай-яй-яй!»

Хоть злые языки твердят, что горя
И нищеты в державе через край,
Но царство Цзинь от моря и до моря.
И, по словам правителя, здесь рай».

«Коль всё у вас в таком большом порядке,
Что ж путь скитаний ты себе избрал?»
«О, брат, я написал трактат о взятке,
Сбежал, чтоб царь меня не покарал.

У нас хвалить верховного лишь можно.
И в лести соревнуйся, мудрецы
Ругнуть не могут. Даже осторожно.
Не то, что в сопредельном царстве Ци.

Правитель там уже на ладан дышит,
Наследника он прочит на престол.
Но он молву людскую чутко слышит
И не сажает никого на кол».

«Давай в горах укроемся, мудрейший,
Мне по пятам идут собаки Цинь.
Стопы направим не к японским гейшам,
А в монастырь известный Шаолинь».

... Два мудреца из древнего Китая
Не знали через сколько тысяч лет
Придёт к потомкам истина простая:
Среди правителей хороших нет...

– Здорово! И как это у вас получается? Ведь все названия средневековых царств приведены исчерпывающе точно... А я, кстати, хотел вас познакомить с одним китайцем – его зовут Ли Сифу. Свободно говорит по-русски шельма. Видно, вырос в Порт-Артуре или Дальнем.

– А чем он замечателен, Яков?

– Да он, конечно, тот ещё прохвост, держит опиумный притон. Да ещё, поговаривают, в подвале организовал тайный стриптиз. Китайкам это строго нельзя, вот он и выискивает европейцев, по большей части русских девушек, которые от крайней нужды и безысходности соглашаются на такое.

– А как же он в храм к нам ходит, это же форменный бес!

– Так вот и ходит присматривает, кто совсем оголодал и в глазах отчаяние. А вообще-то он не православный – то ли протестант, то ли баптист. Говорит о Христе, но вы правы – натуральный чёрт...

– Ну, а мне-то ты что же такого сомнительного типа рекомендуешь?

– Так ведь, я смотрю, и вам деньги нелегко достаются, всё мастерите что-то. А ведь у вас английский, французский, манеры, интеллект. Ему переводчик нужен с европейцами общаться. Вам до его гешефтов дела нет, это работа чистая и хорошо оплачиваемая...

– Ладно, Яков, спасибо, подумаю.

Вдруг, откуда ни возьмись, появился маленький азиат с прыгающей походкой и короткой стрижкой. Одет он был крайне нелепо: не в национальный костюм и не в европейский, а в какую-то тряпичную эклектику всех стилей и красок, чем-то напоминая попугая. Видимо, он считал, что это модно и богато, и уж точно ни на кого не похоже. При этом он говорил, не закрывая рта, чем ещё более усиливал своё сходство с тараторящей птицей.

– О, привет, привет, Яша, Яша! А кто это такой respectable рядом? Вы – князь, фабрикант, адмирал? Порррррода... Я таких видывал в Порт-Артуре.

– Это Николай Илларионович, Мастер. Прошу любить и жаловать. Из самого Питера, и в Москве живал. Очень образованный человек, литератор, поэт. Знает пять языков, даже иероглифы ваши уже кое-какие понимает...

– Прррревосходно! Нам такие таланты нужны. Знаете ли, хочу развивать деловые связи с европейцами и американцами, но ведь они нас за людей не считают. А вот с вами будут разговаривать. Приходите ко мне вечером поужинать в Сянфан, знаете?

– Знаю, но удобно ли? Головой, конечно, лучше работать, чем руками, но...

– И без всяких «но», Мастер, будете довольны. Цзайцзиень!

– До свиданья, господин Ли.

Мастер вернулся из храма в свою комнату и вспомнил, что сегодня день внесения арендной платы за следующий месяц, а заказов у него за последнюю неделю совсем не было. Да и кроме зелёного жасминового чая утром он свой организм ничем сегодня не подкрепил. «А, была – не была, прости Господи! Не сутенёром же к нему пойду и не опиумщиком. Нам бы перекантоваться и домой...»

Николай Илларионович давненько не был в харбинских ресторанах, однако хорошо был знаком с китайским застольем: на круглый стол с вращающейся серединой приносилось великое множество блюд китайской кухни, в которых ты никогда не мог распознать, что же ты ешь. Круглая середина вращалась и каждый брал себе по чуть-чуть из каждой тарелочки или пиалы, но, поскольку разносолов было много, все наедались. При этом китайская еда была не тяжелой и редко надолго задерживалась в желудке. А вот спиртное китайское было преотвратное – гаолян пах даже не клопами, как иногда злые языки говаривают про коньяк, а смесью солдатских портянок то ли со струёй кабарги, то ли выделениями летучих мышей или ещё какой нечисти. Именно с гаоляна Ли Сифу и начал ухаживать за Мастером.

– Благодарю, я не пью крепкий алкоголь, – постарался найти форму дипломатического отказа Мастер, – но мне нравится местное пиво Циндао. Там немцы построили завод и, говорят, вода настолько хорошая, что получился отменный напиток. А что это принесли на закуску?

– Самая большая ошибка за китайским столом спрашивать, из чего сделано блюдо. Всё зависит от соусов и специй, и от мастерства повара. Мы вам и из опарыша такой бульончик сварим – пальчики оближете. У нас есть поговорка: «китайцы едят всё, что летает, кроме самолёта; всё, что плавает, кроме подводной лодки; и всё, что на четырёх ногах, кроме табуретки». Аххахааа! Ну, и конечно, всё, что ползает... Официант, пива для гостя!

– Спасибо, я предпочитаю морепродукты, там ситуация понятней.

– А я вот, знаете, люблю есть собак – наверно, во мне есть корейская кровь. Да! А в детстве мы ели их, чтобы выжить. Китайцы всеядны. Иначе как бы мы всех прокормили? Вы же были на наших ночных рынках. Чего стоят одни только «вонючие тофу», от которых иностранцы теряют сознание, а мы их обожаем. Вы выбрасываете куриные лапки, а мы едим. Вы считаете насекомых несъедобными, а это чистый белок, за ним будущее. Выплюни хитин, как шелуху от семечек, и на здоровье!

– У нас, когда говорят «на здоровье», чокаются водкой, – решил сменить тему Мастер. – Итак, расскажите мне о себе и своих планах.

Ли опрокинул стопку гаоляна и отрыгнул, у китайцев это было в порядке вещей. Ловко орудуя палочками, он отправил в рот какую-то снедь, при этом стараясь улыбаться, чего ему делать не следовало бы – зубы у него были ужасные, кривые и подгнившие. Передовая стоматология в Азию ещё не пришла.

– А планы такие. Куда катится мир? Не успела отгреметь большая мировая война, а мы снова движемся к новой и семимильными шагами, особенно у нас в Китае. К нам лезут и европейцы, и американцы, и японцы – все хотят нас разделить, поиметь и ограбить. Не лезут только русские, потому что у них и так земли навалом, и проблемы у них внутренние – как бы удержать власть, да укрепить новый строй. Вот ваш царизм у нас тоже оттяпал Ляодунский полуостров под незамерзающую базу в Порт-Артуре, но сделал всё культурно: и взятки китайским чиновникам раздал несметно золотом да серебром, и железную дорогу провёл, и, между прочим, этот город Харбин отстроил, как типичный сибирский городок. Никого не убивали, ничего не грабили. А сейчас у вас Ленин что говорит? «Грабь награбленное!»

– Это не у нас, – перебил его Николай Илларионович.

– Неважно. Я о планах. Почему он утвердился у власти вопреки всей логике? Он сказал: «Миру – мир» и сорвал джекпот, как говорят в шанхайских казино. Вот я занимаюсь бизнесом, неважно каким – деньги не пахнут. Но я могу быть спокоен, только если нет опасности, что кто-то придёт и отнимет их у меня силой. А значит, я должен всеми возможными средствами пропагандировать мир...

– Вы можете пропагандировать что угодно, но у вас нет силы – политической или военной, и вы всегда будете пешкой в чужой игре.

– А вот и нет. Сейчас весь бизнес, крупный я имею в виду, строится на войне. Делают пушки, танки, корабли, самолёты, и всё это должно действовать, уничтожаться и снова производиться. И приносить новые земли, новых рабов и новые деньги.

– Такова человеческая история, нравится нам это или нет. От дротика и копья к пулемёту Максима и крейсерам по спирали агрессивной эволюции. Вы это не отмените.

– Но я считаю себя великим миротворцем, способным влиять на умы. Я хочу обратиться к Папе Римскому, к главам государств, к капитанам мирового бизнеса. Мой месседж: «Давайте жить дружно!» и делать деньги на мире.

– Господин Ли, вы или наивный человек или чего-то не договариваете. Никто из сильных мира сего даже не заметит вашего существования. Кто вы для них? Владелец опиумного притона в провинциальном китайском городке. Малообразованный торгаш, не отягощенный моральными принципами и содержащий заведение с голыми девками. Вы знаете, я часто бывал в Лондоне, так вот у англичан есть такое словцо – «freak». Оно обозначает человека, который ярок и незауряден, король эпатажа, а с другой стороны – этих людей не понимают и не принимают из-за внешности или способа самовыражения. Так вот вы – типичный фрик, которого любой чиновник средней руки может прихлопнуть, как муху. Уж простите мне мою откровенность. От меня-то вы чего хотите?

– А вот я хочу, во-первых, выйти на контакт со статусными европейцами в Китае – не только в Харбине. В Нанкине, Шанхае, Пекине, Гонконге. Может, откроются новые направления бизнеса, торговли... связи, знаете ли. Во-вторых, хочу попутешествовать, но знаю только китайский и русский, мне нужен толмач, и толковый. Чтоб за меня придумал, до чего у меня мозги не доходят. И, в третьих, вы, я слышал, литератор. Напишите за меня книгу о мире и переведите её на несколько языков, я хорошо заплачу. Мне нужно набирать статусность, не всё же на шлюхах и наркотиках наживаться. Это такое вложение капитала. Что скажете?

– Да я пишу большей частью поэзию, хотя словом, конечно, владею. Но это долгосрочный проект. Вы уверены, что настроение у вас не изменится?

– За меня не переживайте. Будете получать вдвое больше профессора Харбинского университета. Но учёт и контроль жесткий, будете отчитываться за каждый прожитый день.

Николай Илларионович испытывал непреодолимое желание сплюнуть в салфетку, как будто на язык ему попала какая-то гадость, и все его вкусовые рецепторы взбунтовались разом. Но рассудок, одрессированный долгими поисками случайных заработков, убеждал его, что, мол, это просто творческий заказ, как статья в газету, и ему нет никакого дела до личности заказчика. В конце концов, всегда можно будет в любой момент отказаться, но накопить какой-никакой жирок, чтобы уже спокойно озираться вокруг.

– Ладно, давайте попробуем. У нас будет какой-то контракт?

– Нет, вам порукой моё купеческое слово. А вот вы должны подписать соглашение о неразглашении со штрафными санкциями на миллион, а то вдруг все узнают, что это не я.

– Откуда же я возьму миллион?!

– А вот и не разглашайте! – Ли Сифу опять показал свои гнилые зубы. – Да ладно, не бойтесь. Это просто формальность.

– Ну, поскольку мне ответить по таким обязательствам всё равно нечем, будь по-вашему.

Когда они вышли из ресторана, Ли махнул пробегавшему рикше.

– Вам куда, Мастер?

– Да спасибо, я пройду пешком.

– Не скромничайте, я плачу. Мы же уже партнёры.

– Дело не в этом. Мы, русские, считаем, что ездить на людях как-то унизительно для нас самих, это же не животные. Слышали историю, которая стала здесь легендой? Один богатый русский, бывший купец первой гильдии, засиделся в ресторане и, когда вышел, не обнаружил ни одного извозчика. Зато к нему мгновенно подскочил тщедушный китайский рикша, готовый отвезти его куда угодно. Купец был центнера на полтора, потому что полакомиться любил и ни в чём себе не отказывал. А китаец весил килограммов сорок, непонятно, в чем держалась его душа – видно было, что голодал, да, наверно, ещё кормил семью. «Ступай прочь!» – рявкнул купец, но китаец упал ему в ноги и стал умолять дать ему возможность заработать хоть пару мелких монет. Тогда русский посадил его на место пассажира, дал крупную ассигнацию и сам повёз по центральной улице, повергая в шок всех прохожих. Конечно, в этом был элемент купеческого эпатажа, но была и глубинная русская черта к сопереживанию и душевной щедрости...

– Хороший анекдот, я слышал. Ну, как угодно. До завтра!

И Николай Илларионович в задумчивости пошёл по улице Китайской, где замысловатые иероглифы вывесок соседствовали с названиями фирм «Сименс-Шукерт» и «Товарищество Э. Циндель в Москве», по направлению к Русско-Азиатскому Банку.

2

Прошло пару месяцев. Мастер перебрался в более приличный район и снимал уже не комнату, куда врывались все запахи китайской улицы, а вполне приличную квартиру. Этой ночью он написал стихотворение «Я приехал в Харбин»:

Я приехал в Харбин.
Он из дальних чужбин
Самым был для меня незнакомым.
Но случилась беда,
И теперь, господа,
Он пристанищем стал нам и домом.

Всюду русская речь —
Как её нам сберечь
В этом долгом маньчжурском изгнании?
Нам скорей бы назад
В Александровский сад,
Мы отбыли свой срок наказания.

Мы от редких гостей
Ждём хороших вестей,
Чтоб надежду в душе не гасили.
И живём в полусне
В азиатской стране —
Наше сердце осталось в России.

Здесь не кончен наш век,
мы продолжим свой бег
В Порт-Артур и Шанхай и за море.
Перейдём океан
Через множество стран
Пронеся ностальгию и горе...

Что-то необъяснимое было в этом городе. Он возник, как посад, основанный русскими в 1898 году при строительстве Трансманьчжурской магистрали, по сути как железнодорожная станция. Одним из основателей города был Николай Сергеевич Свягин – потомственный дворянин, инженер-путеец, выдающийся организатор строительства железных дорог в разных уголках Российской Империи, знаток Дальнего Востока и Маньчжурии, здесь же и похороненный в 1924 году. Вплоть до госпереворота 1917 года Николай Сергеевич занимал ответственные посты в министерстве финансов и ведомствах, курировавших в то время железные дороги. Был вынужден покинуть Родину в ходе революционных событий и начавшегося террора. Предположительно он покинул Крым в 1920 году на пароходе «Сегед». Вероятнее всего, он с супругой уехал в Италию, а затем в Дубровник, где до 1924 года был председателем Русской общины. В последний год своей жизни он был приглашён в Харбин, одним из основателей которого являлся. Здесь он продолжал работать на Китайско-Восточной железной дороге вплоть до своей кончины. Мастер не был близко знаком с ним, но несколько раз встречался, и тот любил вспомнить исторические страницы. Первые харбинские русские были в основном

строителями и служащими КВЖД и переехали в Харбин для работы на железной дороге. Их так и звали – КВЖДисты. Харбин (станцию Сунгари-первая) фактически построили именно русские поселенцы, которые возвели дома, а мебель и личные вещи привезли из России. После Русско-японской войны многие русские покинули Маньчжурию, но немало было и тех, кто прожили в Харбине долгое время и решили остаться. В 1907 году было введено выборное городское самоуправление. К 1913 году Харбин был фактически русской колонией для строительства и ремонта КВЖД. Население города составляло 68 549 человек, в основном русских и китайцев. Перепись зафиксировала наличие граждан 53 разных стран. Кроме русского и китайского, здесь были распространены ещё 45 языков. Только 11,5% всех жителей родились в Харбине.

Николай Илларионович попал в Харбин в 1918-м. В результате краха Российской Империи и гражданской войны около 100—200 тысяч белоэмигрантов осели в Харбине. Это были солдаты и офицеры, участвовавшие в Белом движении, члены и служащие правительств Сибири и Дальнего Востока, интеллигенция и самые обычные люди. Русское население Харбина было самым большим за пределами России.

8 сентября 1920 года Китайская Республика заявила, что более не признаёт консульства России в Китае, а 23 сентября прервала все связи с представителями Российской Империи и отказалась признавать экстерриториальные права её граждан. Тем самым в одночасье русские в Китае оказались апатридами или лицами без гражданства. После этого китайское правительство установило контроль над государственными учреждениями в Харбине, как то суды, полиция, тюрьма, почта, а также исследовательскими и образовательными заведениями. Поэтому, когда Мастеру для работы над книгой о теории мира и войны пришлось обратиться в Харбинский университет, довелось столкнуться с тягучей китайской бюрократией. Но выход был найден, поскольку грамотных преподавателей со знанием нескольких иностранных языков не хватало, ему предложили вести курс японского языка, который он когда-то изучал в России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.